

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АНТРОПОНИМИКИ

Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова
Костромской государственный университет
e-mail: gantsovsky_n@mail.ru, g_neganova@ksu.edu.ru

УДК 81'373.2

**Антропонимы как составная часть областного словаря:
методология подачи, структура, состав словника, семантизация
(на материале словаря говоров Костромской низины)**

Ключевые слова: *антропонимы, костромские говоры, Костромская низина, этнодиалектная зона, лексикография.*

В статье представлен антропонимикон этнодиалектной зоны Костромской низины как материал областного словаря. Анализируется функциональное соотношение структуры его составных частей с нарицательной лексикой. Делается вывод о том, что антропонимы говоров Костромской низины достаточно консервативны, разнообразны по форме, выполняемой им функции и приобретённой в речевой среде семантике.

N.S. Gantsovskaya, G.D. Neganova
Kostroma State University

**Anthroponyms as an integral part of the regional dialectal dictionary: presentation
methodology, structure, composition of the dictionary, semantization
(based on the dialect dictionary of the Kostroma lowland)**

Key words: *anthroponyms, Kostroma patois, Kostroma lowland, ethno-dialect zone, lexicography.*

The article presents the anthroponymicon of the ethno-dialect zone of the Kostroma lowland as the material of the regional dialectal dictionary. The functional correlation of the structure of its constituent parts with common nouns is analyzed. It is concluded that the anthroponyms of the patois of the Kostroma lowland are quite conservative, diverse in form, their functions and the semantics acquired in the speech environment.

В настоящее время, когда разрушаются диалектные системы и утрачиваются лексические связи крупных диалектных объединений, представляется перспективным создание локально ограниченных диалектных словарей, занимающих определённую часть этих объединений. Полагаем, что это актуально для многих территорий старого славянского заселения, в том числе и для говоров Костромской области, в пределах которой находится несколько историко-культурных зон, в свою очередь подразделяющихся на этнодиалектные зоны. Мы уже имеем опыт создания словаря такого типа, охватывающего ареал говоров междуречья Костромы и Унжи с эпицентром в виде Костромского (Чухломского) акающего острова. И это позволяет с достаточной глубиной и детальностью обзора ознакомиться с этнодиалектными особенностями края. [4]. Так, именно систематизированные лексические данные этой территории (два района с полностью акающим населением и четыре района – с частично) показали единство лексического состава говоров в пределах всей зоны и исторический приоритет оканья перед аканьем.

Теперь костромскими диалектологами поставлена задача создания словаря этнодиалектной зоны на юго-западе Костромской области при впадении реки Костромы в Волгу

и по её верхнему течению, знаменитые некрасовские места, знакомые нам по трудам начала XX в. деятелей Московской диалектологической комиссии, Костромского научного общества по изучению местного края, этнографов Н.Н. Виноградова [2; 3], В.И. Смирнова [11], С.А. Ерёмкина [6], В.Я. Шишкова [12], затем уже в постсоветский период – местного краеведа Л.П. Пискунова [8; 9], студентов и преподавателей Костромского университета им. Н.А. Некрасова и др. исследователей. Это постмерянские и постугрофинские земли с давно укоренившимся здесь русским населением своеобразного жизненного уклада и с достаточно единообразными говорами, сформировавшимися в основном под влиянием ростово-суздальского колонизационного потока, но не чуждые и черт более древнего влияния языка новгородских словен. Здесь ещё во времена позднего Средневековья происходили важные для Руси события, а после Смутного времени (из Ипатьевского монастыря Михаил Романов призывался на царство) оформилась новая русская государственность и вместе с ней складывались основные черты современного русского литературного языка. Эти места называют Костромской низиной (часть её в настоящее время затоплена Костромским водохранилищем), словарь же с описанием её говоров, используя терминологию В.Я. Шишкова, мы решили назвать Словарём говоров Костромского Приволжья.

Мы полагаем, что особенностью словарей говоров относительно небольших территорий с устойчивыми этническими особенностями может быть включение в их состав лексики местного народного ономастикона. Типологически для всесторонней характеристики диалектного континуума подобного ареала это вполне допустимо, поскольку в его речевом узусе имена собственные так же географически значимы и семантически наполнены, как и имена нарицательные. Это касается и такой интернациональной по происхождению лексики, как календарные (крестильные, канонические) имена, которые в каждой местности, каждом языке или диалекте имеют свои оригинальные варианты употребления. Проприонимы, будучи по своим первоначальным свойствам только номинативными единицами, лишёнными значения и не способными обозначать понятие, в контексте речи, особенно узкодиалектной, в соседстве с кореферентной им нарицательной лексикой как бы впитывают присущие последним особенности их семантической структуры, обладают яркой модальностью, метафоричностью и другими их классификационными свойствами.

Нам уже приходилось описывать говоры Костромской низины на заданную тему и с подобными установками на материале определённых краеведческих источников [1; 5; 7]. В данной работе покажем особенности антропонимикона Костромской низины, отражённые в диалектных записях студентов и преподавателей Костромского пединститута на территории этих говоров конца прошлого столетия и начала будущего. Антропонимы извлечены из текстов «Хрестоматии говоров Костромской области» учебного комплекса Н.С. Ганцовой «Костромские говоры» и могут рассматриваться как материал областного словаря [13].

Представляем антропонимы говоров Костромской низины в определённых тематических группах с текстовой иллюстрацией, указанием района и страницы в Хрестоматии (более подробная паспортизация содержится в Хрестоматии).

Календарные имена, отчества и фамилии людей как дескрипторы имён

Костромской район. КА'ТЬКА. БА'УШКА. НА'СТЯ. ВАЛЕ'РА. МАТВЕ'ИЧ. ОЛЁХА. КО'ЛЬКА. ВА'ЛЬКА. ЖЭ'НЬКА. ПЕТРОВ.

После Иванова дни начинался сенокос. Издили на лошадей и пешком ходили. Артилью издили, письни пили. Мама-то у нас писельница была...Как приедем, перва садилась завтракать. Потом Катька с отцом идут косить [13, 34].

А должников-то незнамо што. Придут: «Баушка Настя, дай, я принёсу. Так и не принёсут (с. 36). Вот топерече и боюса, и запираюса. Ешио как-то прииол. Сунул ногу-то, а я закричала: «Валера, Валера!». А то бы опять до капли обрали [13, 36].

Жила как – не знаю. Фсе говорили: ну уш, Матвейч, попалас тебе така женчина, штоп ты не пропал [13, 37].

Марина. Где работала? Где полехче. Олёха у её как фронтовик <...> Валька-то мне внучка. Приедет из городу – воды принесёт... Хлеба Жэнька принесёт <...> Вот этта Петроф осумашетчел. Разделся донага: «Буду парицца чичас». Крыша падаёт! Уш чево не говорил. Сё ромно в больницу увезли [13, 39].

Буйский район. (СЯДО'Ф) АЛЯКСА'НДР. КО'ЛЯ. МИХА'ЙЛО. НЮ'РА. ЗОЮ'ХА. КОЛЮ'ХА. АВДО'ТЪЯ. КО'ЛЬКА.

Патом уехали фсе, адин Сядоф Аляксандр был. Два года сафсем адна жыла. Коле (сыну) дали квартиру, патом и жыла у Коли... С Михайлом-то фстритились, розговорились. Прежде я видывала ево, знала, в ихнюю деревню на праздники ходили гулять. – Иди, Нюра, за миня. хоть с одной рукой, а проживём как-небудть. – Ладно, говорю, сватай. – Зоюха, сестреница, уш ф ту пору в Бую работала у енвалидов тыла, брат Колюха со снохой и с деткам уехал... [13, 43].

Радился на хутаре Гарбатки. В школе в Ельгино учился. Умер отец, у матери нас пятыра асталась. Мать уехала к сястре, а старший брат ни отпустил меня: «Авдотья, аставь Кольку мне, у тябя и так пятыра» [13, 45].

Судиславский район. МАРИ' ВА'НОМНА СМЕРНО'ВА. А'ННА АНДРЕ'МНА.

Моё име Мари Ваномна, фамилиё Смернова. От ходила к обидне в церкву, дак дошот пошол, дак наскрость промокла [13, 65].

Зовут-то миня Анной Андремной. Фчерася-то не застали меня, в городе была. Как жо, милые, помню, как и замуш выходила. Жэниха свово не знала, с другим гуляла. Накануне богу помолиласа, а потом до свадьбы не виделась [13, 66].

Сусанинский район. НАТО'ША. ТО'НЯ. ОНДРЮ'ШКА. А'ННА СЕ'ВОЛОТОВНА.

На войне убили мужа-то. Трицэтть три года мне осталося, мучалас одна с деткам-то... Сын Натюша ушол на шэснаццатом году на войну [13, 62].

Мужу-от Тони шэсь годоф дали. Фчерася письмо прислала. И адвокат ничево не помок. Сколько денёк-то ухлопали... Ондрюшка маленькой-то потешной был [13, 63].

В деветь годоф пошла на хлеп-соль зарабатывать в рядашной дом. Фамиль-то я забыла хозяев-то. Кажысь, Костева Анна Севолотовна, ешио жива, а хозяин-то уже помёр. Качала я их ребёнка в люльке [13, 63].

Антропотопонимы

Судиславский район. РОМА'НЦЕВО. СЕМЁНОВСКОЕ. РОМА'НОВО.

В Раманцеве народу, дерявень была! Пятая часть не асталась... Да Князева километр с четвертью [13, 44].

Комороф пошол на Семёнофское. Там, где стрелка на Романово, увидел человека в чёрном, и капюшон надет (с. 68).

Сусанинский район. СУСАНИНО.

У жениха на дому была сварьба. Винчались ф старообрятской цэркви в Сусанине. Венчанные ишио эки-то клопы были. Он сирота, я сирота [13, 62].

Сакральные имена: теонимы

Костромской район. ПРЕСВЯТА'А БОГОРО'ДИЦА. ХО'СПОДИ ИИСУ'СЕ.

Паска-ту нонче ранняя. Пресвятаа Богородица! [13, 34].

Усе иконы забрали, унесли. Хосподи Иисусе, ф сумки поклати [13, 34].

Сусанинский район. БОХ.

Знаю, што Бох-то есь и боюс Бога, токо што ленива, дома-то лить молицца [13, 62].

Сакральные имена: аэртони́мы

Костромской район. ИВА'НОВ ДЕНЬ. ПЕТРО'Ў ДЕНЬ.

После Иванова дни начинался сенокос [13, 34].

Петроу день у нас и Покроу. Раньше-то знали то, что праздник, што пост, пости- лиса [13, 36].

Буйский район. РОЖЭСТВО' ХРИСТО'ВО. БАГАРО'ДИЦА.

В Святки и Рожэство Христова проводили по сем вечерин [13, 41].

Какие праздники? Троица и Пасха – главные. Багародица [13, 43].

Имена-образы: фольклоризмы

Судиславский район. МОЛОДО'Й КНЯЗЬ. КНЯГИ'НЯ. РЯЖЕНЬЕ.

На свадьбе поздравляли с законным браком. Ряженые приходили. «Молодой князь, как вашу кнегиню зовут?», – так спрашивали [13, 69].

Имена-образы: мифони́мы

Судиславский район. РУСА'ЛКИ. РУСА'ЛЬЯ НЕДЕ'ЛЯ. БОЛО'ТНИК, ОГОРО'ДНИК. ПОЛУНО'ШНИЦА. НО'ШНИЦА. СВЯ'ТКА. ДОМОВО'Й. ЛЕ'ШЕЙ.

После Троицы – Русалья неделя. Русалки из воды выходили, селились на деревьях. На ветвях берёс сидели. Девушки ходили берёски завивали, задабривали русалок.

Болотник на болоте живёт. Людей в тресину заманивает.

Как же огород без огородника? Он там главный.

Как жо ночь без ношницы? До самово рассвета хозяйничает.

На Святках, на гаданьях святка поевляецца.

Если домовой душит, надо спросить, к худу или г добру.

Штобы лешей-то в лесу не водил, надо одёжу наизнанку одеть [13, 68].

Из этого небольшого, но достаточно информативного для наших целей списка имён людей (или антропоморфных их заместителей, а также агнонимов и антропотопонимов) региона Костромской низины, не только центральной части костромских говоров, но и вообще части центральных русских говоров в их противопоставлении периферийным (см. [10, 229–231]), удалось установить следующее.

Рассматриваемая нами ономастическая лексика структурно может быть представлена одной или несколькими лексемами, она вариативна по форме и модальным качествам, синтагматически зависима от кореферентной ей нарицательной лексики в ближайшем контексте, но нередко эта зависимость подтекстовая и отсылает к более далёкому и обширному говорному континууму. Именно вследствие метонимической и др. форм соотносённости антропонимов как вида проприальной лексики с лексикой нарицательной антропонимы вступают с ними в парадигматические отношения и приобретают ту же семантику, неисконную, но укоренившуюся в данной речевой среде под стать семантике нарицательной лексики.

Так, имена *Катька, Колька, Валька, Женька, Ондрюшка* считаются нормальной формой календарных имён детей в речевом семейном узусе севернорусской деревни, возможно, и с некоторым фамильярно-одобрительным оттенком. Они продолжают использоваться в таком качестве и для подрастающей молодёжи, а затем и в речи сверстников. То же мы находим и в наших примерах. В большей степени экспрессивными можно считать формы типа *Зоюха, Колюха, Олёха, Натюша*. Нейтральные же стилистически для литературного языка имена (*бабушка*) *Настя, Поля, Нюра, Марина, Тоня, Валера* в говорах Низины можно также признать таковыми, но всё же с сопровождающим их оттенком приподнятости. Высоким стилем можно считать использование имени в полной форме: *Аляксандр, Михайло, Авдотья*, тем более в сочетании с такими дескрипторами имён, как отчество или фамилия: *Сядов Аляксандр, Анна Андремна, Анна Севолотовна* или тройственной формуле имени с отчеством и фамилией: *Мари Ваномна Смернова*. Использование в живой речи в качестве имени только одной фамилии (*Петров*) – редкое явление, поэтому такой факт имеет на шкале высокое/низкое отнюдь

не среднее положение. В итоге надо сказать, что названные антропонимы вписываются во все ярусы диалектной системы данного ареала, в том числе и семантический, поскольку в узкорегionalном пространстве имя как бы представляет реального, всем знакомого человека – молодого или старого, доброго или злого, глупого или умного и т.д. – и как бы служит субститутом всех его качеств.

Характерно, что в сакральных именах-аэртонимах используются только полные формы календарных имён людей, хотя и в русифицированной форме: *Иванов день*, *Петров день*, но имя верховного христианского божества упоминается в канонической церковнославянской форме звательного падежа – Хосподи Иисусе – и с отражением фрикативного произношения заднеязычного.

Для обозначения церковных праздников употребимы субституты личных имён – метонимические переносы в виде нарицательных имён типа *Багародица* (*Какие праздники? Троица и Пасха – главные. Багародица* [13, 43]. Антропонимом можно считать лексему *Богородица* как заместитель имени *Мария*. Названия антропоморфных мифологических существ также можно считать антропонимами, хотя они и находятся на периферии деревенского антропонимикона.

Отсюда следует вывод о том, что традиционный антропонимикон говоров Костромской низины достаточно консервативен, разнообразен по форме, выполняемой им функции и приобретённой в речевой среде семантике.

Литература

1. Басова, Н.Ф. Ономастикон деревни Вёжи под Костромой: материалы для словаря (по воспоминаниям Л.П. Пискунова) / Н.Ф. Басова, Н.С. Ганцовская // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред.: Н. С. Ганцовская, В.И. Супрун; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костромской государственной университет, 2020. – Т. 1. – С. 146–158.
2. Виноградов, Н.Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Фонетика. / Н.Н. Виноградов. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1904. – 100 с.
3. Виноградов, Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде / Н.Н. Виноградов // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. VIII. – Кострома: Тип. Риттер, 1917. – С. 71–152.
4. Ганцовская, Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуручье Костромы и Унжи / Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книгозек, 2015. – XXXI, 512 с.
5. Ганцовская, Н.С. Антропонимикон говоров Костромского Приволжья (на материале очерков В.Я. Шишкова) / Н.С. Ганцовская. // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Костромской государственной университет, 2020. – Т. 1. – С. 271–282.
6. Ерёмин, С.А. Характеристика народных говоров по р. Костроме / С.А. Ерёмин // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 41. – Кострома, 127. – С. 4–15.
7. Неганова, Г.Д. Актуализация природно-географических особенностей Костромской низины в народной географической лексике: Волго-Костромская пойма / Г.Д. Неганова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 174–177.
8. Пискунов, Л.П. Из истории моей родины. О прошлом деревни Вёжи под Костромой / Л.П. Пискунов // Костромская земля: краеведческий альманах Костромского филиала Российского фонда культуры. Вып. 4. – Кострома: Линия-график, 1999. – С. 98–176.
9. Пискунов, Л.П. О родной деревне Вёжи. Воспоминания / Л.П. Пискунов // Костромская земля: краеведческий альманах. Вып. 7 / сост. А.В. Соловьёва. – Кострома: Линия-график, 2014. – С. 157–211.
10. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1964. – С. 229–231.
11. Смирнов, В.И. Свайные постройки Костромского края / В.И. Смирнов // Советская этнография. Сборник статей. Сб. 4. – М.: АН СССР, 1940. – С. 149–167.
12. Шишков, В.Я. Приволжский край / В. Я. Шишков // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. – Кострома, 2007. – С. 498–572.

Источники

13. Ганцовская Н.С. Хрестоматия говоров Костромской области // Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. / Н.С. Ганцовская; отв. ред. Г.Д. Неганова. – Кострома: Ид-во Костром. гос. ун-та, 2018. – Т. 1. – С. 32–72.